

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ ХАРАКТЕР ПЕРСИДСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В АСТРАХАНИ В XIX В.

© 2018 Р. Н. Пирова

*канд. ист. наук,
доцент кафедры истории и теории государства и права
e-mail: pirova1969@mail.ru*

Дагестанский государственный университет народного хозяйства

В статье рассматривается специфика торгово-предпринимательской деятельности персидского купечества в Астрахани в течение XIX в. На основе архивных и опубликованных материалов автор показывает привилегированный характер предпринимательской деятельности означенной этноконфессиональной группы в регионе: особый характер торгово-экономической деятельности, покровительственное отношение со стороны властей, владение престижной недвижимостью, участие в руководстве в региональном общественном самоуправлении.

Ключевые слова: персы, привилегия, купечество, предпринимательство, внешняя торговля, купеческие гильдии, этноконфессиональная группа.

Город Астрахань с момента своего основания стал важнейшим центром российской внешней торговли, через который проходили торговые пути, связывавшие Россию со странами и территориями Азии, прилегавшими к Каспийскому морю. Пограничное положение, географические и климатические условия Нижнего Поволжья обусловили специфический этносоциальный состав населения города.

Путешественники XVII–XVIII вв. и более позднего времени неоднократно отмечали пестроту национального состава и торговый характер деятельности различных этносоциальных групп. Появившиеся в начале XVII в. в Астрахани купцы-персияне получили прозвище «кызылбаши» (тюрк. «красноголовые») – торговцы из Персии по национальной традиции красили волосы и бороды хной, получая в итоге красно-рыжий оттенок. Тогда же они основали в городе свою торговую колонию, получившую в середине XVIII в. название Персидского торгового двора [Гусарова 2009: 58].

Наиболее состоятельная часть персидских торговцев в последние десятилетия XIX в. сосредоточивает в своих руках практически всю русско-азиатскую торговлю на Каспийском море, вытеснив из нее армянских и русских купцов [Имашева 2010: 112]. Центром этой торговли являлась Астрахань, в связи с чем персидское купечество, осевшее здесь, приобретает черты обособленной элитной группы, занимавшей важное место в экономической и общественной жизни губернского центра.

К началу XIX в. богатое персидское купечество в Астрахани как раз и составило определенную социальную группу, обладавшую к тому же ярко выраженными чертами этноконфессиональной обособленности, имевшую ряд характерных черт, существенно выделявших ее из среды торгующего сословия. Эти черты позволяют говорить о привилегированном характере жизни и деятельности исследуемой группы в обозначенный хронологический период.

Прежде всего, персидское астраханское купечество, несмотря на стремление российской короны строго структурировать все российское общество в рамках сословного законодательства, сохранило собственную социально-правовую организацию – старшинское (или, вернее, векильское) управление. Оно возникло в

1790-е гг., существовало практически в течение всего XIX в. и представляло собой традиционную для Ирана форму организации торговой деятельности купеческих корпораций по земляческому принципу.

Векиль выступал в качестве оптового покупателя и продавца товаров, являясь представителем нескольких десятков торговцев среднего достатка. Векиль закупал на всю сумму товары в Персии, затем отправлялся в Россию (либо вообще там проживал постоянно) и осуществлял от своего имени торговые операции. По возвращении на родину он отчитывался перед своими доверителями деньгами. В Астрахани векили и стали руководителями местной шиитско-персидской общины, выступая в качестве одобренного властями «персидского старшины». Через него же осуществлялся и учет членов общины, а также разрешались различные тяжбы как между персами, так и между персами и российским купечеством. Сам персидский старшина вступал в 1-ю или 2-ю гильдию купечества, что являлось своеобразной гарантией лояльности для местных властей и придавало ему еще более определенный статус в российской сословной иерархии [Имашева 2010: 124].

Астраханскими персидскими старшинами в XIX в. были богатые персидские купцы, происходившие из северных провинций Ирана: Мирза Казим Абдулл Казимов (Визирев), Ага Баба Яхьяев, отец и сын Усейн Мамед Асан Ага и Аджи Молла Али Аскер Усейновы. Все они пользовались большим уважением в среде астраханских купцов персидского происхождения, находились под покровительством персидского шаха и местных астраханских властей, которым в период военных действий, а также различных экспедиций на Каспии оказывали различные услуги. Старшины десятилетиями возглавляли местную персидско-шиитскую астраханскую общину.

За оказываемые местным властям и российской короне услуги векили нередко получали награды. Так, в 1805 г. старшина Мирза Казимов получил от жены Александра I российской императрицы Елизаветы Алексеевны «золотую медаль на алой ленте» для ношения на шее за то, что в 1812 и 1813 гг., когда «произошло вторжение в пределы России неприятельской силы», Казимов пожертвовал «на воинские надобности» 200 руб.¹

Не препятствовало российское правительство и отношениям старшин-векилей с персидским консульством в Астрахани и иранскими властями в целом. Например, российские власти одобрили награждение другого старшины Ага Яхьяева «за заслуги в установлении и реализации торговых отношений между двумя странами в 1828 г.» (после окончания русско-иранской войны) персидской шахской наградой – Орденом Льва и Солнца. На торжественной церемонии вручения в консульстве присутствовал астраханский губернатор².

В связи с тем что векильское управление в Астрахани существовало практически автономно, податей, как отдельная социальная группа, персидские купцы в Астрахани (если не вступали в купеческие гильдии, а таковых было подавляющее большинство) в пользу казны не платили, что также, на наш взгляд является свидетельством их привилегированного статуса. А если городское купеческое общество или Казенная палата ставили такой вопрос перед губернаторами, последние ссылались «на традиционное по способу торговли» положение купцов-персов в городе и подтверждали особое право на неучастие их в выплате пошлин.

Действительно, как мы уже упоминали выше, с начала XIX в. персидское купечество стало уверенно доминировать в русско-азиатской торговле на Каспии. В связи с тем что главным российским центром этой торговли была Астрахань,

¹ Государственный архив Астраханской области (далее ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 776: 3

² ГААО. Ф.1. Оп.1. Д. 776: 3

положение астраханских купцов персидского происхождения приобрело особо важное значение в контексте геополитических и экономических интересов российского правительства в азиатских государствах и территориях, прилегающих к Каспийскому морю. Расширяя свои границы в Закавказье и политическое влияние в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, учитывая все проблемы международного характера, связанные с намерением решить в свою пользу «восточный вопрос», Российская империя привлекала на свою сторону всех возможных союзников в реализации своих планов [Киняпина 1968: 122].

В качестве такого союзника и выступило богатое персидское купечество, которое в обмен на гарантии безопасности и выгоды для себя торгово-экономической деятельности на Каспийско-Волжском пути становится активным проводником политических интересов России в прикаспийских азиатских странах и территориях. Об этом обстоятельстве неоднократно в своих донесениях сообщали в МИД российские послы и консулы в Персии. В частности, посол И.А. Симонич отмечал в начале 1830-х гг., что все персидские купцы в Южном и Центральном Иране связаны торговыми отношениями с Россией через Астрахань и «всеми возможными средствами» готовы поддерживать эту торговлю [Симонич 1968: 98].

Русско-иранские Гюлистанский (1813 г.) и Туркманчайский (1828 г.) мирные договоры создали своеобразный режим благоприятствования для персидских купцов в России. Прежде всего, 9 статья трактата 1813 г. юридически отменила действие Астраханского таможенного тарифа 1755 г. и заменила 23%-е обложение привозившихся персами товаров на 5%-е, если купцы персидского происхождения объявляли себя подданными иранского шаха, и 1%-е, если приносили присягу российской короне [Зоннештраль-Пискорский 1931: 54]. Это последнее обстоятельство привело к тому, что многие персидские купцы вступали в российское подданство юридически, но вместе с тем продолжали оставаться и подданными шаха, тем более в Иране никто не сомневался в их персидском подданстве. И купцы из Персии в итоге пользовались и торговыми привилегиями в России, в частности в Астраханской таможне, и преференциями в Персии, как местные жители. В такой ситуации «природное русское купечество», конечно же, конкуренции выдержать не смогло и очень быстро совсем отказалось от участия в торговле с азиатскими странами через Астрахань.

В статье 3 Туркманчайского мирного договора 5%-е обложение товаров, привозившихся персами, подтверждалось, причем такому обложению подлежали все товары вне зависимости от страны происхождения, лишь бы они были ввезены российскими подданными [Собрание 1845: 231]. В итоге персы стали привозить в Астрахань и товары западноевропейского производства, которые были востребованы в среде местной элиты и стоили гораздо дешевле, что обеспечило персидскому купечеству в Астрахани дополнительные преференции со стороны местного начальства.

Среди характеристик, указывающих на привилегированное положение персидского астраханского купечества, на первом месте стоит ярко выраженный покровительственный характер политики местных и центральных властей по отношению к этой группе. Прежде всего следует отметить, что, несмотря на то что в первые два десятилетия XIX в. состоялись две русско-иранские войны и был издан специальный указ о конфискации имущества и торговых и промышленных предприятий, принадлежавших подданным иранского шаха, торговавшие в Астрахани и вообще в пределах России купцы иранского происхождения своей собственности лишены не были. Все они в период войны, вне зависимости от реального положения, объявили о своем российском подданстве. Также власти упорно закрывали глаза на

явные случаи укрывательства русскими и армянскими купцами товаров персидских торговцев под видом своей собственности. Торговые отношения с Персией и ее провинциями на восточном берегу Каспийского моря во время войн вообще не прекращались.

Торговые суда, владельцами или арендаторами которых выступали все те же персидские купцы, в период военных действий продолжали перевозить товары по Каспийскому морю. Хлопчатобумажное сырье и шелк-сырец, так нужные молодой российской промышленности, бесперебойно поступали на российские фабрики во время войн. Более того, персидские купцы на своих кораблях перевозили продовольствие и оружие для российских войск на Кавказе, в том числе и для тех, которые участвовали в присоединении к России закавказских провинций Ирана [Любомиров 1947: 24].

Такая деятельность персидских астраханских купцов, из которых не все даже являлись подданными российской короны, заслуживали благодарность от Николая I по окончании войны в 1828 г. А летом 1854 г. по представлению астраханского губернатора и министра внутренних дел Российской империи шесть астраханских купцов-персов (Аджи-Молла-Алескер Усейнов, Аджи-Джават Шафеев, Мир-Амид-Хан-Мир Багиров, Абдул-Меджид Рамазанов, Сафар-Али Бабаев, Аджи-Усейн Рзаев) были удостоены новой благодарности от императора за поддержку (бесвозмездную перевозку продовольствия и снарядов), которую они оказали российским войскам на Кавказе на начальном этапе Крымской войны³.

Это был не единственный случай награждения персидских купцов наградами со стороны российского правительства. Через три года, в 1857 г., император Николай I по ходатайству Главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом награждает астраханского 1 гильдии купца персидского происхождения Аджи-Молла-Аскера Усейнова (основателя собственной династии астраханских купцов 1 гильдии, прервавшейся в 1917 г.) золотой медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие». Основанием для награждения стали «особо полезные услуги», которые купец оказывал российским войскам на Кавказе, перевозя в течение двух лет по льготным ценам и в короткие сроки на своих судах из Астрахани по Каспийскому морю провиант и боеприпасы⁴.

Владение торговыми судами в Астрахани издавна было одной из статей коммерческих интересов астраханского купечества, которое извлекало значительные прибыли от перевозки товаров по Каспийскому морю. Стремясь сохранить монополию на судоходство по Каспийскому морю и имея далеко идущие геополитические планы, в течение всего XVIII в. российское правительство тщательно следило за тем, чтобы в качестве владельцев судов выступали исключительно российские подданные. Но в 1790–1800-е гг. коммерческие интересы российских купцов в Астрахани переключаются на рыбную промышленность, а внешняя торговля оказывается в руках персов.

И в 1800–1810-е гг. персидское астраханское купечество приступает к формированию собственной торговой флотилии, покупая или строя вновь торговые суда. В итоге к 1830-м гг. в руках персидских астраханских купцов сосредоточилось до 70% торговых судов на Каспии (31 из 45)⁵. При этом астраханский губернатор и глава астраханского порта не обращали внимание на то, что сословное законодательство 1824 г. [Рындзюнский 1952: 118] требовало, чтобы торговлю с границей осуществляли исключительно купцы 1-й гильдии, в которой большинство персов,

³ Астраханские губернские ведомости. 1854. № 25.

⁴ Там же. 1857. № 21

⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 381: 25.

конечно же, не состояли. В отношении судовладения других этнических групп астраханского купечества губернские власти неукоснительно следовали букве закона. Это еще одно свидетельство особого статуса персидских купцов в регионе.

В связи с активной торговой деятельностью на Каспийско-Волжском пути казна могла рассчитывать на значительные поступления таможенных пошлин. Действительно, на протяжении XIX в. баланс русско-азиатской торговли через Астрахань ежегодно составлял до 2 000 000 млн рублей. Соответственно, российское государство могло рассчитывать на пошлинные сборы до 100 000 рублей ежегодно. При этом основная часть платежей пошлин поступала от персов. В этой ситуации российские и астраханские власти настойчиво рекомендовали таможенным органам создавать режим наибольшего благоприятствования для персидских торговцев. Данный факт в очередной раз подчеркивает привилегированный характер персидского предпринимательства в Астрахани [Имашева 2010: 182].

В случаях, когда возникали споры между таможенниками и персами, представители местной администрации (естественно, не без рекомендаций сверху) всегда вставали на сторону коммерсантов. Например, в 1802 г. была удовлетворена жалоба восьми персидских купцов на действия чиновников в Седлистовском карантине, которые, помимо положенного обложения, вымогали с купцов взятки. Военный губернатор К.Ф. Кнорринг наказал таможенников, оштрафовал их. Никакие возражения чиновников о подлогах со стороны персов во внимание приняты не были⁶.

В 1811 г. по настоянию астраханского губернатора таможенные чиновники официально извинились перед астраханским из персиян 1-й гильдии купцом Реджеб Аджи Абашиевым и выплатили ему неустойку за «незаконно удерживаемое в течение полугода судно с товарами»⁷. В 1847 г. сам начальник Астраханского таможенного округа принял сторону персидских купцов, которые спешили на Нижегородскую ярмарку, а таможенники заставляли их дважды пересматривать и перемеривать товар перед подачей объявлений в таможенную и оплатой пошлины, а затем перемерить его еще раз после подачи объявления⁸.

Во всех упоминавшихся конфликтах астраханская администрация, вставая на защиту интересов персидских торговцев, рекомендовала таможенникам обращать внимание также и на подданнический статус предпринимателя, чтобы не ущемить интересы российских подданных, каковыми, возможно, они являлись. Вообще, вопрос о подданстве персидского купечества, неоднократно поднимавшийся в течение XIX в. и на региональном, и на центральном уровне, так и не был урегулирован. Для астраханских губернаторов, губернского правления, казенной палаты и других заинтересованных структур местной исполнительной власти попытки выяснить точную численность и подданническую принадлежность астраханских купцов персидского происхождения, предпринимавшиеся на протяжении столетия неоднократно, остались безуспешными.

Купцы-персияне, за исключением нескольких (число это, как правило, не превышало десяти), как и старшина-векиль решивших навсегда связать свою судьбу с Астраханью и вступивших в гильдейское купечество, свободно приезжали в город и уезжали из него по своим торговым делам в Персию, в Москву и Санкт-Петербург, на Нижегородскую ярмарку и т.д. Между тем до нескольких десятков персов-торговцев всегда находились в регионе, предпочитая самостоятельно реализовать привезенные оптовые партии товаров в розницу и получить при этом максимальную выгоду. Некоторые из них приносили присягу российской короне, но при этом в различных

⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2214: 1–6

⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1250: 1–2

⁸ ГААО. Ф. 681. Д. 802: 2–8

описях и ведомостях продолжали упоминать о себе как о персидских подданных. Другие вступали во временное или постоянное гильдейское купечество в других городах и поэтому не упоминались в астраханских ведомостях, хотя постоянно проживали в городе.

Так, после ратификации Туркманчайского мирного договора в 1829–1830 гг. астраханский губернатор обратился к персидскому старосте в городе с просьбой составить ведомости о числе персов-торговцев, постоянно проживающих в городе (то есть как раз составляющих общину) и временно находящихся здесь «по делам торговли». И получил ответ, что «...персияне, здесь торг производящие, остаются на короткое время и по продаже своих товаров уезжают в персидские области. Откуда и иные также, хотя в летнее время возвращаются, но не для жительства постоянного, а для одного изворота по коммерции. Другие же остаются в Персии на неприменном жительстве. Что о сих, постоянно живущих в Астрахани персиянах, то из них некоторые записались в здешнее купечество и состоят под ведомством Магистрата»⁹.

Впрочем, на всем протяжении своей истории астраханская купеческая персидско-шиитская община была небольшой численно. В 1815–1816 гг. в Астрахани постоянно проживали 15 персидских торговцев. Кроме того, 5 персиян числились в астраханском купечестве¹⁰. В 1830 г. – 39, еще 8 – в астраханском гильдейском купечестве¹¹. В 1870 г. – 64, 3 – в гильдейском купечестве¹². Ни один из документов не дает ответа на вопрос о том, сколько из этих торговцев являлись (или считали себя) подданными России, сколько – подданными Персии, причем создается впечатление, что астраханская администрация и не стремилась к строгому соблюдению сословного законодательства в отношении данной этносоциальной группы.

Причина такого лояльного отношения раскрывается в письме 1832 г. к астраханскому губернатору руководителя Департамента внешней торговли, который прямо указывает на создание всех возможных условий для «побуждения ко вступлению в российское гильдейское купечество в Астрахани» местного персидского купечества. Руководитель ведомства считал, что в этом случае государственная казна выиграет, а торговые отношения с Ираном и другими прилегающими к Каспию государствами и территориями еще более «оживятся к пользе Российского государства»¹³.

Персидское купечество в городе имело определенные преференции не только в торговой деятельности с азиатскими странами, но и внутри самого города. В первой половине XIX в. персидские купцы обзаводятся элитной недвижимостью в губернском центре. Не всякому купцу российского происхождения с первого раза удавалось добиться разрешения на постройку зданий в лучших частях города, на улицах, где располагались здания губернского и городского управлений.

В 1820–1840-х гг. на центральных Екатерининской, Московской, Полицейской улицах были выстроены большие двух-, трехэтажные здания гостиных дворов (караван-сараев), принадлежащих персидским купцам. В них располагались жилые квартиры и комнаты, магазины и лавки, сдававшиеся в наем. По оценке 1840-х гг., в центре Астрахани было 12 таких зданий, принадлежавших 6 персидским семьям. Стоимость каждого из них в это время составляла от 25 до 80 тысяч рублей, ежегодный доход самых больших достигал 15 000 руб.¹⁴ Некоторые из них сохранились до нашего времени и имеют статус памятников архитектуры.

⁹ ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 29503: 62

¹⁰ Там же: 64

¹¹ ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 42: 54–56об.

¹² ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 51318: 9

¹³ ГААО. Ф. 681. Д. 3782: 1–2об.

¹⁴ ГААО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 1052: 17–138

Еще одним фактом, свидетельствующем о привилегированном статусе персидских купцов, является их активное участие в делах городского общественного самоуправления и значимых общественных акциях рассматриваемого периода, причем в первой половине XIX в. инициаторами вовлечения их в общественную деятельность выступали сами губернские власти. В 1810–1820-е гг. персидские старшины привлекались в качестве рахманов Городового магистрата, судей сословных и третейских судов по гражданским делам, консультантов по вопросам развития торговли в регионе в Мануфактурный совет в Петербурге и т.д.¹⁵

После Городской реформы 1870 г. купцы 1 гильдии А.А. Усейнов и А. Мир Багиров являлись бессменными гласными астраханской Городовой думы по 1 разряду, членами сразу нескольких городских комиссий, попечителями Тюремного губернского комитета (за деятельность в котором удостоились наград от Александра II)¹⁶. В 1884 г. купец 1-й гильдии А.А. Сафаралиев (вместе с уважаемыми астраханскими купцами русского происхождения) стал сопредседателем комитета по учреждению в Астрахани постоянной ярмарки¹⁷.

В 1828 г. в 12 верстах от Астрахани, в районе татарского села Эчмалля (на месте большого садового участка, принадлежавшего татарскому обществу), персидским купцам было разрешено занять участок под шиитское кладбище. Просуществовало оно до начала 1930-х гг. И все тяжбы, которые вели на протяжении столетия татары с персами из-за земли, занятой под кладбище, решались в пользу последних.

В 1860 г. торжественно была открыта каменная персидская мечеть, причем вплоть до падения самодержавия в России почетным попечителем прихода объявлялся персидский консул, а до 1890-х гг. имама назначался властями Ирана, и российские власти никаких препятствий к этому не чинили¹⁸.

В 1878 г., во время посещения императором Александром II Астрахани, астраханские персидские купцы были допущены к нему как представители отдельной социэтнической группы. Они преподнесли в дар императору дорогие доспехи – произведение прикладного средневекового персидского искусства, за что получили письменную благодарность Александра II¹⁹.

Изменившиеся границы Российской империи, включение в ее состав восточного и западного побережий Каспийского моря привели к нивелировке роли персидской купеческой общины в структуре русско-азиатской торговли. Эти обстоятельства в итоге привели к тому, что в конце XIX в. персидская шиитская община в Астрахани под натиском произошедших социально-экономических изменений включается в общероссийский социум. Несмотря на сохранение своей этноконфессиональной идентичности, персидское купечество в Астрахани окончательно становится частью делового мира региона, подчинившись требованиям российского законодателя и утратив свой привилегированный статус.

¹⁵ ГААО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2984: 55, 56–89

¹⁶ ГААО. Ф. 443. Оп. 1. Д. 241: 12

¹⁷ ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 6240: 1–4

¹⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 104: 1

¹⁹ Астраханский справочный листок. 1871. № 144

Библиографический список

Гусарова Е.В. Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVII-XVIII вв. По документам из собраний Петербурга. СПб., 2009. 492 с.

Зоннештраль-Пискорский А.А. Международные торговые отношения Персии. М., 1931. 132 с.

Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX века. Саратов, 2010. 247 с.

Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е гг. XIX в.). М., 1968. 454 с.

Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII – нач. XIX в. М., 1947. 352 с.

Рындзюнский П. Г. Гильдейская реформа Канкрин 1824 г. // Исторические записки. М., 1952. С. 110–139.

Симонич И.А. Воспоминания полномочного министра. 1832–1838 гг. М., 1967. 176 с.

Собрание трактатов, конвенций и других актов, заключенных Россией с Европейскими и Азиатскими державами, а также с Северо-Американскими соединенными штатами. СПб., 1845. 834 с.